

Входящий № 10242

Историк при работе в архивах всегда должен быть готов к сюрпризам. Сколько бы ни было собрано документов по теме, всегда может оказаться, что обнаружится документ, ставящий под сомнение окончательность тех выводов, к которым пришел в процессе долгой работы. Занимаясь уже около четверти века изучением истории Российского Зарубежья, я был склонен считать, что россияне, вырвавшиеся из-под тирании Совдепии в 1920-е годы, попали чуть ли не в идеальные условия «демократических стран». После тяжелых испытаний в период гражданской войны в России и на фоне тягот на территории победившей «диктатуры пролетариата» их невзгоды беженской жизни отступили. Во всяком случае им не угрожал массовый голод, который охватил Поволжье и Украину, их не лишили свободы передвижения, они могли вольно высказывать свои взгляды, а главное, они не подверглись «красному террору». Безусловно, каждая человеческая судьба уникальна. Мы знаем немало примеров вольготного существования отдельных индивидов, особенно из числа знаменитостей, как в Советской России, так и в «белой эмиграции». В опубликованных и неопубликованных документах личного происхождения приводятся рассказы о перипетиях жизни достаточно известных людей, их личные размышления о происходящих событиях. Гораздо меньше нам известно о беженской жизни «рядовых» эмигрантов.

Одна из папок в Коллекции С.Н.Палеолога Архива Гувверского института Стенфордского университета (Paleologue S.N. Box 1. Folder 15) содержит своеобразный документ именно о жизни таких «рядовых» россиян из числа учителей в Зарубежье. Коллекция Палеолога довольно большая (36 боксов), но не очень интересная. В основном идут однотипные канцелярские документы: официальные бумаги, бухгалтерские отчеты, переписка по поводу нищенского положения большинства русских беженцев. Это естественно, С.Н.Палеолог в 1920-е годы занимал должность Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). В воспоминаниях С.Н.Палеолога содержится информация о том, что его деятельность на данном посту вызывала резко негативную реакцию со стороны общественности разных политических взглядов своим крайним консерватизмом и чрезмерным бюрокра-

тизмом: «Очевидно, благодаря тому, что в эмиграции я стоял около беженской власти, – писал Палеолог, – наша левая пресса за рубежом и большевистская в СССР всегда оказывала мне и моей деятельности нарочитое внимание. Это обстоятельство дало мне возможность до некоторой степени познать самого себя... По сообщению этих газет оказывается, что за последние 8 лет я 14 раз был уволен от должности, которую занимаю и теперь; 9 раз производились строжайшие расследования о моих злоупотреблениях по службе; 7 раз были обнаружены крупные растраты и хищения доверенных мне казенных денег; 5 раз ожидалось скандальные судебные процессы с разоблачением всей моей вредной работы в эмиграции. Несколько раз появлялись в газетах большие статьи с сенсационным заголовком: «Конец Палеолога», в коих категорически заявлялось, что в ближайшие дни, в связи с обнаруженными моими преступными деяниями, я буду выслан из пределов гостеприимного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев...»¹. Подобная характеристика деятельности С.Н.Палеолога позволяет представить этого чиновника и ту безупречную бюрократическую тщательность в делопроизводстве его подчиненных.

И вдруг среди этой горы канцелярских банальностей обнаруживается папка с выбивающимся из привычного ряда названием: **«История одних ботинок (быль). Дневник беженца Крымской эвакуации Инспектора В.Гриня. 2 листа»**. Особых комментариев к тексту не требуется, ибо автор сам рассказывает о происхождении документа, его характере. Но хочется обратить внимание на то, что в имеющейся обширной литературе жизнь русской эмиграции в КСХС обычно рисуется в радужных тонах (нет отчуждения от родственного по религии и славянским корням населения, налажена научная жизнь, работают университеты для беженцев, легко найти работу), особенно на фоне положения русской диаспоры в Польше и Финляндии. Так, на Русском педагогическом съезде в Праге в апреле 1923 года Королевство СХС было названо *«государством, щедро идущим навстречу русской эмиграции.... Уже в первый год пребывания русских беженцев, то есть к 1 марта 1921 года, оно отпускало на дело русского образования 500000 динар, а к 1 марта 1923 года бюджет на это дело возрос до 2,5 миллионов динар»*². Наверное, в тех условиях это была одна из самых гостеприимных стран для «белой

¹ Палеолог С.Н. *Около власти: очерк пережитого*. Белград, 1929. с. 192-193.

² Русь (София), 18 апреля 1923 г. 177.

эмиграции», хотя чрезвычайные обстоятельства беженского существования создавали немало проблем для руководства и рядовых жителей этой страны. Возможно, поэтому русским беженцам запрещалось изменение места жительства, даже в пределах крупных населенных пунктов.

Белград был вторым по численности центром русской эмиграции после Парижа. В Югославии были сосредоточены главным образом эмигранты из военного и служилого класса. Такой состав эмиграции, конечно, наложил отпечаток на характер ее политической мысли и деятельности. Хотя в Белграде не было центров русских политических организаций, тем не менее вся эмигрантская масса, соединившаяся в многочисленные общества, профессиональные союзы и организации взаимопомощи, по своему политическому настроению была весьма однообразна и могла быть подведена к программам националистов и октябристов дореволюционной России. В одном из интервью С.Н.Палеолог предложил *«провести существенное разграничение между двумя беженскими волнами, которые разбросали за границу остатки антибольшевистской России. Первая относится к 1917 году. Она вынесла за границу сторонников Керенского и добольшевистской революции, которые получили возможность спасти свою ставку, и поселились в гостиницах Парижа и Ниццы, где не перестают «делать большую политику», обеспеченные от нищеты и несчастий. Вторая состоялась в 1920 году. Она привела в Югославию людей, у которых не оставалось ничего другого, кроме той одежды, которую они носили на себе, и к которым вскоре присоединились беженцы из Крыма, еще более несчастные: эти испили чашу до дна»*³. Эмигрантская масса, за небольшим исключением, была настроена монархически и относилась негативно к соглашательской работе русских политических организаций Парижа и других центров Российского Зарубежья⁴. Данные политические настроения всячески поддерживало руководство большинства эмигрантских организаций, вплоть до оказания материального воздействия на беженцев.

А материальное положение русских эмигрантов было чрезвычайно тяжелым. В данной архивной коллекции сохранились сотни документов с мольбами о помощи, всевозможные канцелярские свидетельства о тяготах беженской жизни.

³ *Journal des Débats*. 19 Mars 1921. # 77.

⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Fon-Lampe, A.A. Box 10. Русская эмиграция за границей и ее политическая деятельность.

Так в письмах писателя Г.В.Алексеева⁵, по договоренности с С.Н.Палелогом совершившего «инспекторскую поездку по местам расселения русских беженцев в КСХС», мы неоднократно находим рассказы о трудностях существования русских эмигрантов⁶. Почти все русские в Югославии, ибо «*устроиться удалось только специалистам*», были поставлены в финансовую зависимость от так называемых «разменов». Суть их состояла в обмене различных русских денег (начиная от царских и заканчивая казначейскими билетами всевозможных временных режимов на территории бывшей Российской империи) на югославские динары. Так как послевоенная экономика самого молодого Королевства испытывала серьезные трудности, то было решено, что обмен будет производиться не одновременно, а по спискам беженских организаций постепенно, в размере 400 динар на человека в месяц. Этим Югославия «...дала возможность русским беженцам не только сводить концы с концами, но и пустить глубокие корни»⁷. В одном из писем-отчетов Г.В.Алексеев упоминает: «*летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки*». Как и всегда в подобных случаях, бюрократическая регламентация денежных вопросов привела к массе злоупотреблений. В документах архивной коллекции Палеолога содержится немало удручающей переписки по этому поводу, показывающей всевозможные «хитрости», на которые шли многие авантюристы из числа русских беженцев для улучшения материального положения. Так, русский консул собрал списки для обмена, состоящие из «мертвых душ», а затем с полученными обманным путем деньгами скрылся. Один из действительных статских советников через подставных лиц смог получить обмен дважды на свою семью, выдав во второй раз ее за семью своего брата, пропавшего в годы гражданской войны. Подобные явления Г.В.Алексеев называет «*уродствами беженской жизни*»⁸.

⁵ **Алексеев Глеб Васильевич (1892 – 1938)** – русский писатель. В начале 1920-х годов жил в эмиграции. В 1923 году вернулся в СССР. В рассказах (сборник «Живая тупь», 1922), повести «Мертвый бег» (1923) отражено осмысление страшного опыта русских революций и Гражданской войны. Сатирические картины советской действительности в повестях («Жилой дол», 1926, «Шуба», 1928) и романах («Тень стоящего впереди», 1928). В 1933 году завершает большой роман об индустриализации в СССР «Роза ветров». В 1938 году покончил жизнь самоубийством.

⁶ **Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Paleologue, S.N. Box 18.**

⁷ **Общее дело.** 1921, 6 марта. № 234.

⁸ **Глеб Алексеев.** *Путевые заметки литератора. (Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии А.В.Квакина)* //Новый журнал. Нью-Йорк, 2000. Кн. 221. С.155 –172.

Обращает на себя внимание то, что писатель определяет как «вулканически враждебные настроения», то есть постоянные вулканы конфликтов, в русских колониях, а также «подозрительность», «измельчание духовных интересов», «хулиганство среди эмигрантов», «жизнь за счет слухов». Поражение в гражданской войне, крах веры в победу белого дела, осознание бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками, потеря цели в жизни приводили к необходимости найти виновного в данной ситуации. Именно взаимная враждебность, поиски внутреннего (или, используя терминологию Сталина, «ближнего») врага создавали многие трудности, резко обостряли конфликты, формировали условия для того, что, по Алексееву, есть «большевизм наоборот». На мой взгляд, мы имеем дело с манихейским сознанием⁹, когда самым главным считается не сплотиться для достижения определенной цели и выполнения конструктивной программы, а найти «врага» и списать на него все неудачи. Публикуемый документ В.И.Гриня из Гуверского архива показывает, что традиционные пороки российского общества и его бюрократии были перенесены в Российское Зарубежье.

К сожалению, мне не удалось найти биографические сведения об авторе публикуемого архивного материала. Из других документов можно было лишь выяснить то, что Владимир Игнатьевич Гринь, после эвакуации из Крыма в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, занимал пост Председателя Союза учителей в Югославии, был членом редакционной коллегии журнала «Русский терем» в Белграде.

При публикации были сохранены все пометки, сделанные на рукописи в канцелярии С.Н.Палеолога (они даны курсивом). Старая орфография заменена на современную. Стиль и грамматическое написание документа полностью сохранены, за исключением явных ошибок и оговорок.

10.III.1921

К отчету

Вх.[одящий] ¹ 10242 «11»марта
1921 г.

ИСТОРИЯ ОДНИХ БОТИНОК (БЫЛЬ)

⁹ **Квакин А.В.** *Россия познает Русское Зарубежье*//Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. Кн. 211. С.155 –172.

Дневник беженца Крымской эвакуации Инспектора В.Гриня

Декабрь [1920 года]

15

Вчера прибыл в Белград с учительской корпорацией. Все в ужасном виде: оборваны, голы и босы. Послал учителя Моисеева и учительницу Гринь в Русский Красный Крест со списком учителей и необходимых вещей. Учительница получила себе детскую рубашонку и детское же бумажное платьице. Ботинок ей не дали, несмотря на то, что была в чужих, мужских. Корпорации не дали ничего!

16

Пошел сам в Красный Крест хлопотать вообще для всей корпорации, а для себя, в частности, самое необходимое – ботинки. Принимал Макаров¹⁰, который сказал, что сейчас на складе ничего нет, но вещи будут через неделю.

23

Оказывается, есть только 5 пар ботинок, а желающих – 25 человек, а потому на эти ботинки рассчитывать не могу. Предложили придти через день.

25

Просидел даром от 10 до 12 часов: приема не было. Евреинов¹¹ где-то был будто бы на заседании.

28

Пошел к Евреинову вместе с протоиреем Николаевским. Макаров уехал. Принял Евреинов. Рассказали о горьком положении всей корпорации, и, в частности, о своем собственном. Проявили свое белье, костюмы обувь. Повидимому, отнесся сочувственно, ибо записал на заметку кто из нас в чем нуждается. Список же [позже] оказался затерявшимся где-то.

30

Евреинов заявил, что послал запрос в Земунский¹² комитет [по обустройству беженцев], действительно ли мы нуждаемся в этих

¹⁰ Товарищ (заместитель) Уполномоченного Русского Красного Креста в Югославии.

¹¹ Уполномоченный Русского Красного Креста в Югославии.

¹² Земунь – селение в пригороде Белграда, где поселились русские беженцы.

вещах, и что по получении ответа удовлетворит нашу просьбу. Для ускорения дела бегу в Комитет за удостоверением, и таковое получил на руки.

31-го

Представил удостоверение Комитета. Оказывается, Евреинову надо навести справки, есть ли ботинки в складе. Предложили придти после Нового года.

Января

2 дня

Евреинов заявил, что ботинки есть, но в ограниченном количестве, вследствие чего могут быть выданы только больным. Тотчас же представляю ему акт освидетельствования Ялтинской постоянной врачебной комиссии от 21 июля 1920 г., где видно, что страдаю ишиасом обеих конечностей, и членский билет Союза Увечных Воинов. Недостаточно. Предложил мне пойти к своему доктору и принести удостоверение. Иду. Свидетельствовал доктор Бензелевич, который послал к невропатологу д-ру Пассеку. Был осмотрен и получил удостоверение от доктора, что страдаю ишиасом и что мне необходимы ботинки, которых я не имею. Д-р Пассек удивился, что ему, таким образом, приходится выдавать удостоверения на право получения ботинок.

3

Несу заветное удостоверение и в мечтах уже ощущаю на своих больных (простуженных еще в Германскую войну в Карпатах зимой 1915 года) ногах ботинки, но оказывается, что еще мытарства русского офицера-инвалида не окончены. Евреинов предложил мне, ввиду аналогичных просьб остальных учителей моей корпорации, составить один общий список, по образцу арматурного, подробно указав, кто в чем нуждается, и засвидетельствовать в своем Земунском Комитете и представить в Английский Красный Крест, который только один может удовлетворить нашу нужду. Евреинов предложил также не допускать к нему учителей, которые допустили в отношении его некорректность в своей настойчивости. От пережитых передрыг разболелась голова. Чувствую, что силы иссекают.

5-го

Составил список, посвидетельствоал в Комитете и представил Евреинову. Просил его выдать на руки ходатайство к англичанам – безуспешно. Предложил придти после праздника.

10-го

Список еще не переведен. Обещали отправить сегодня.

11-го

Список еще на столе у Евреинова. Заручаюсь сочувствием одного из служащих, который извлекает список и передает переводчице. Снова прошу отправить список к англичанам через меня. Отказывает. Обещает сегодня же отправить. Чувствую себя скверно. Еле добрался домой. Надо купить термометр.

12.

Разыскал канцелярию Английского Красного Креста с большим трудом, ибо в канцелярии Евреинова адрес держат в большом секрете. Оказывается, список еще не передан. Вот тебе и обнова к [православному] Новому Году! Чувствую себя совсем плохо. Покупаю термометр. Температура 35,6°.

13

Завтра Новый Год. Напрягаю все усилия получить ботинки себе, а костюмы учителям. Был у англичан, был 3 раза в Рус[ском] Красном Кресте. Списка нет ни здесь, ни там. Навожу справки. Оказывается, вместо того, чтобы передать в канцелярию англичан, список послан по почте и лежит у швейцара гостиницы «Бристоль». Передают капитану Кеннеди, но уже поздно: 4 часа и склад закрыт. Возвращаюсь домой, чувствую себя еще хуже – температура 35,5°.

15-го

Сегодня месяц, как начал я хлопоты по получению ботинок. Летние туфли совсем сбились. Отдохнул за вчерашний день. Снова иду в город. У англичан узнал, что вещи уже посланы в Русский Красный Крест. Спрашиваю, всё ли послано. Говорят, что всё. Иду в Рус[ский] Кр[асный] Крест. Оказывается, действительно англичане прислали 2 тюка вещей, но выдать мне не могут без приказанья Евреинова. Жду два часа. Приходит Евреинов и говорит, выдать здесь не может, но что вещи я получу на складе (ул. Александра, № 130). Иду туда. Жду до 4 часов. Нет вещей. Иду снова к Евреинову. Оказывается, вещи сейчас отправляют и предлагают и мне поехать туда же. Нанимают карету за 20 динар, усаживается их доверенное лицо с вещами, в половину одного тюка, предлагают ехать и мне. Вещи получает заведующий общежитием (никакого отношения к нам не имеющий!), распаковывает и выдает по прилагаемому списку, подписанному Евреиновым: «Инспектору училища В.Гриню... носки (!!!), его жене, учительнице Ю.Гринь... носовой платок, и т.д....»

И так, за месяц хлопот, в результате... носки!.. Стоило ли терять месяц времени, массу энергии, силы воли, настойчивость, денег на дорогу; стоило унижаться, простите, стоило бить туфли!.. Чувствую себя совсем плохо. Температура снова 35,5°.

В.Гринь

©Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии
А.В.Квакина, 2000